

БАХТИЁР
ИРМУХАМЕДОВ

**Избранные
стихотворения
Том I**

Бахтиёр Ирмухамедов

Избранные стихотворения. Том I

«Издательские решения»

Ирмухамедов Б.

Избранные стихотворения. Том I / Б. Ирмухамедов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969295-5

В первый том данного трехтомного издания «Избранных стихотворений» вошли свыше 330 лучших, на мой взгляд, произведений, выбранных из первых книг моего тринадцатикнижного издания под общим названием «Нетленки». Сквозной темой этого тома является, безусловно, любовь и всё, что связано с ней. Кроме того, представлены тексты для песен и несколько философских стихотворений и четверостиший. Уверен, читатели не пожалеют о времени, потраченном на ознакомление с этой книгой.

ISBN 978-5-44-969295-5

© Ирмухамедов Б.
© Издательские решения

Содержание

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ	8
«Цель далека и несбыточна...»	9
ПЕРНАТЫЕ	10
«Ветер свистнул...»	11
«В который раз я говорю себе...»	12
БРИГАНТИНА	13
«Ах, российские девочки, девочки...»	14
ВОЗЛИЯНИЕ	15
ДОЖДИК	16
«Девушка в платье атласном...»	17
«В этот мир, безнаказанно грубый...»	18
«В душе гнездятся вороны ...»	19
«Кто соткал нам этот мир...»	20
«Льется льется синий вечер...»	21
«Ночь полнолунна...»	22
МАЙСКОЕ	23
«Обычно люди в грусть впадают...»	24
СОСЕДИ	25
БРИЧМУЛЛЯНКЕ	26
КУДА?	27
«Я живу не в Париже...»	28
«Был я молод, были силы...»	29
«Если друг тебя обманет...»	30
«Я иду к тебе по зову сердца...»	31
БЕЛЫЕ СТИХИ	32
БЕГ ПО ИНЕРЦИИ	33
«Какой я есть – такого принимай...»	34
«Я не бури боюсь, я не мрака боюсь...»	35
ДИАЛОГ	36
«Пора и мне, мой друг...»	37
«Вьюга, провой мне холод...»	38
«Гром гремит, гроза грохочет ...»	39
«Время несется вскачь...»	40
АБСТРАКЦИЯ	41
«Успокоились ветра...»	42
«Трудно представить мне...»	43
«Просыпаюсь ночью, слышу вдруг, как липы...»	44
«Я тебя не любил ни в апреле, ни в мае, ни после...»	45
«Я беден, как дервиш...»	46
ПЕРЕСТРОЙКА	47
«Нанеси мое имя на клочок листопада...»	49
ОСЕННИЕ СУМЕРКИ	50
«Я прижмусь к твоей груди...»	51
СОНЕТ	52
«Я чувствую, как ты меня не ждешь...»	53
ИНОПЛАНЕТЯНИНУ	54

«Налей мне бренди-тини...»	55
«Оттого ль, что бессчетны потери...»	56
«Сегодня – день воспоминаний...»	57
ИГРА	58
ВАМ	59
Я ВЕРНУЛСЯ	60
ПАРК	61
Я – ТВОЙ	62
«Твои глаза с оттенком в осень...»	63
ЧУЖОЕ	64
ШИПЫ В САДУ	65
«Когда идешь сквозь ночь к стихам...»	66
К МУЗЕ	67
«А жизнь проходит, жизнь проходит...»	68
«Поизносились наши годы...»	69
«Если я не вернусь из далекой тайги...»	70
РЯДОМ	71
«У меня украли песню...»	72
КОПАЯСЬ В АРХИВАХ	73
ВЕСЕННЕЕ	74
«Когда я умру неожиданно, вдруг...»	75
ВОПРОС	76
«Мы шли с тобой рука в руке...»	77
КРУГ	78
НЕИЗБЕЖНОСТЬ	79
ВЕНОК	80
УЧАСТЬ	81
К Ш...	82
ФАТА-МОРГАНА	83
ПРИЖИЗНЕННЫЙ РЕКВИЕМ	84
«А в дверь стучали, зная, что...»	85
ПРЕДНОВОГОДНИЕ	86
«Ты родилась довольно поздно...»	87
Н.В.	88
ЗДЕСЬ	89
«Воздух промыт дождем...»	90
РОЗА	91
ЭЛЕГИЯ	92
НАВАЖДЕНИЕ	93
УТРО	94
ИСХОД	95
«Не сохранить души во злате...»	96
ПОСЛАНИЕ ОТТУДА	97
УИКЭНД	98
«Ты – женщина, с которой мне спокойно...»	99
«Есть люди...»	100
ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ	101
«Я жалею, что мне довелось...»	102
О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ	103

АЗАРТНАЯ ИГРА	105
ИЗДЕРЖКИ МОЛОДОСТИ	106
НЕПОДВЛАСТНОЕ ВРЕМЕНИ	107
«К вам обращаюсь я, братья во Пушкине...»	108
КОНЕЦ ВЕКА	109
«Мы стареем бесшумно и быстро...»	110
МОНОЛОГ ПРОСТИТУТКИ	111
«Раскрепощенная фривольна...»	112
ГРУСТНЫЙ ОПЫТ ЖИЗНИ	113
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Избранные стихотворения Том I

Бахтиёр Ирмухамедов

© Бахтиёр Ирмухамедов, 2019

ISBN 978-5-4496-9295-5 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-9296-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Каждой жизни срок отмерен, —

В это раньше верил я.

Но теперь я разуверен

Песней Вечного огня.

И отныне бесконечно

Буду петь я всем простое:

Если жить, то жизнью вечной!

А на время – жить не стоит.

«Цель далека и несбыточна...»

Цель далека и несбыточна,
Если хоть в малом нечестен.
Платье не выйдет прелестным,
Если не смотрится выточка.
Низкие мысли к высокому
Не приведут, как ни тужься.
Разве когда-нибудь ружья
В небе парили, как соколы?
Самые чистые помыслы
Толикой хитрости рушатся.
Лгун за лгуна не поручится —
Их одинаковы промыслы.
Честь берегущий смолоду
Будет всегда уважаем:
Не сохранит урожая
Бьющий по яблоне молотом.
Всякая ложь – убыточна.
В солнце туман – неуместен.
Если хоть в малом нечестен,
Цель далека и несбыточна.

ПЕРНАТЫЕ

Разговорились птицы на деревьях:
Кричат наперебой скворцы и воробьи,
И что-то важное в волшебных трелях
Хотят сказать пернатым соловьи;
И горлинок стыдливых воркованья
До слуха моего доходят иногда,
И перепелов жалких лепетанья,
Звучащих философски: пит-пил-да...
Пощелкивая клювом, дрозд порхает:
Подсядет к соловью, то сядет близ скворца;
Удод-красавец сдержанно икает,
И кашляет ворона без конца;
И попугай, всем птицам потакая,
Дублирует безнравственно слова;
Лишь, горло беспрестанно полоская,
Сидит, безмолвствуя, сова.

«В который раз я говорю себе...»

В который раз я говорю себе:
Не будь безвольным в собственной судьбе,
Не обращай внимания на беды,
Ты – человек! Ты создан для победы!
Не должен ты в невзгодах угасать —
Ты должен ярко жить и побеждать!
Так говорю... и все же угасаю:
Ведь я путей к викториям не знаю...
Одно лишь утешеньем служит мне —
Что встречу я когда-нибудь в стране
Того, кто слово доброе мне скажет
И верный путь к сражениям укажет.

БРИГАНТИНА

Скорбно мачты вонзив в небосклон
И не радуясь солнцу в зените,
Бригантина беспомощный стон
Издает в ожиданье событий.
Ей не нравятся штиль и покой,
Надоело в тоске дрейфовать:
Лучше в тине исчезнуть морской,
Чем без смысла кормою качать.
А весь смысл означает стремленье
Продвигаться вперед и вперед.
Но какое быть может движенье,
Если ветра не слышен полет?!
Неизвестно, задует ли ветер,
Принесет ли с собой чудеса,
Бригантина счастливо по свету
Поплывет ли, надув паруса.
И, качаясь в бесплодности волн,
В жажде плаваний новых, открытий
Бригантина беспомощный стон
Издает в ожиданье событий...

«Ах, российские девочки, девочки...»

Ах, российские девочки, девочки,
Как я ваши люблю посиделочки!
Ваши речи люблю безыскусные,
Беззаботные, чуточку грустные.
Ваши пляски люблю я прекрасные
Под частушки лихие и страстные.
Но особо мне любы страдания —
Ваши томные песни-мечтания.
Я бы слушал и слушал вас, девочки,
Грыз бы с вами печальные семечки,
Вместе с вами страдал бы и маялся
И со вздохами в чем-то бы каялся,
И освоился б с певчей тальянкою,
Чтоб обласканным быть северянкою,
И остался б в России навеки я,
Если б не было края УЗБЕКИЯ!

ВОЗЛИЯНИЕ

Налей мне солнечных лучей —

Я выпью их и засверкаю

Во тьме гнетущих нас ночей,

И прогоню печалей стаю.

Налей мне водопада гул —

Его я выпью, не смакуя,

И как бы ветер в нас ни дул,

Я защищу тебя. Смогу я!

Налей мне океана ширь —

Я выпью милую безбрежность,

И подарю тебе весь мир

Любви возвышенной и нежность!

ДОЖДИК

Долго, долго дождик лил
И о чем-то говорил.
Может быть, он песню пел?
Может, плакал и скорбел?
Может быть, играл с листвою?
Может, плелся за тобой?
Может быть, к кому-то шел —
Адресата не нашел?
Может быть, он о зиме
Говорил тихонько мне?
Может быть, он просто так
Выверял по скверу шаг?
Может быть, он падал вниз
Оттого, что мрачна высь?
Может быть, искал друзей
(Круг друзей – теплой, светлей)?
Может быть, о крышу стук —
Выраженье горьких мук?
Может быть, он опьянел —
Удержаться не сумел?
Может быть, его толкнул
Кто-нибудь, иль ветер сдул?

Всякое тут может стать,
Только я не смог понять.

Долго, долго дождик лил
И о чем-то говорил...

«Девушка в платье атласном...»

Девушка в платье атласном
С ликом открытым и ясным
Мимо меня просияла
И ничего не сказала.
Девушка, прелесть, по стойте!
Словом меня удойте!
Дайте сказать мне глазами
То, что Вы знаете сами.
Улица так многолюдна,
Но не заметить Вас трудно:
Я и слепым Вас замечу —
Я ведь искал этой встречи!
Я – не обычный прохожий,
Сердцем на Вас я похожий:
Так же открыто и ясно
Светит оно... Но напрасно!
Девушка очи отводит
И лучезарно уходит.
Девушке я безразличен:
Видно, как все, я обычен...

«В этот мир, безнаказанно грубый...»

В этот мир, безнаказанно грубый,
Мы явились с тобой как упрек,
Чтобы слить наши нежные губы
В поцелуе, отвергшем порок.

Ты в мои углубляешься думы,
Я в твои погружаюсь мечты.
А вокруг все так зло и угрюмо
От ненужной пустой суеты.

Но не важно нам, что там творится
С этим миром безумных людей,
Коль случилось друг в друга влюбиться
Нам на фоне мучительных дней.

«В душе гнездятся вороны ...»

В душе гнездятся вороны —
Мне не спасти себя.
На все четыре стороны
Я отпущу тебя.

Иди. Вдали от прошлого
Ты, может быть, найдешь
Романтика дотошного,
Не верящего в ложь.

А мне с обманом радостней,
А мне с обманом – блажь...
Чем жизнь для нас безжалостней,
Тем сладостней мираж.

«Кто соткал нам этот мир...»

Кто соткал нам этот мир,
Мог бы взять и крепче нити:
Поглядите сколько дыр
В этой ткани, поглядите!

«Льется льется синий вечер...»

Льется льется синий вечер
Звезды выплыли на небо
Месяц-парус ветром всвечен
В Млечный путь на самый гребень
Что ты делаешь Природа
В душу рвутся вдохновенья
Вижу дальше небосвода
И галактик слышу пенье
Я взорвусь наверно вздохом
Разлечусь и в пух и в перья
Оттого что чудно плохо
Мне от этого безмерья
Пожалей возьми обратно
Волшебства свои святыя
Лишь одной тебе понятны
Их иллюзии живые
Нет постой я не осилю
Слабость мига отказаться
От паренья в звездной сини
Я готов готов взорваться

«Ночь полнолуна...»

Ночь полнолуна.
 Спокойна река.
Сосны бесшумны.
 Уснула тоска.
Тропкой песчаной
 иду за рекой:
Может, случайно,
 приду к дорогой.
Или до моря
 с рекою дойду —
Старого горя
 приметы найду...
...Помню прекрасно
 тебя на песке.
Помню, ужасно
 кольнуло в виске.
Помню и девственность
 линий твоих,
И непосредственность
 шуток живых.
Помню мгновение
 скорой любви
И откровенья
 нагие твои.
Помню скользкий
 по небу рассвет
И исчезающий
 твой силуэт.
Помню старанья
 свои – позабыть
Воспоминанья
 про скорбную прыть.
Только напрасными
 были труды:
Призраком властным
 являлась мне ты!
Вот и сейчас,
 вопреки тишине,
С бурей у глаз
 ты являешься мне.
Ночь помрачнела...
 Взбурлилась река...
Сосны всшумели...
 Воспряла тоска...

МАЙСКОЕ

Колобродит Весна.
 Вся Природа бушует и стонет.
В круговерти страстей
 сымитировать проще любовь.
В нежно-ложных речах
 чьи-то судьбы невинные тонут,
Чьи-то чистые души
 уже фонтанируют кровь.
О, как трудно найти в лабиринте пьянящего мая
Тот единственный путь,
 где в конце не наткнешься на крест!
И на ощупь идешь, спотыкаясь о призраки рая
И внимая фанфарам как будто бы слышных фиест.
Все идешь и идешь...
 нищ, как дервиш,
 нет хлеба в котомке,
И не ведаешь вовсе, сойдет ли когда благодать...
Что завещано нам,
 то оставим мы нашим потомкам:
Ничего не прибавить к наследству
 и нечего взять.
И до смерти бродить,
 ничему, кроме страсти, не веря,
И до смерти искать,
 сам не зная чего и кого,
Превращая себя не то в слизь,
 не то в пыль, не то в зверя,
И, плюя, отрекаясь от клятв, от надежд, от всего.
А Весна все бурлит, колобродит,
кипит, шарлатанит;
Увлеченно любовь имитируют все, кто не мертв;
И как будто влюбленные дружно друг друга таранят,
Соревнуясь в кустах, кто кого переспит, перемнет.
И запуталось все
 в этих майских изменчивых кушах,
Так запуталось, что и себя, потеряв, не найдешь.
И в толпе бестолковой,
 куда-то безвольно текущей,
Запрокинув на плечи рога,
 все идешь и идешь...

«Обычно люди в грусть впадают...»

Обычно люди в грусть впадают,
Когда их властною толпой
Незримо годы окружают
И обливают сединой.
Но Вы же, Катя, не грустите,
И, слезно в зеркало глядясь,
Обратно младость не зовите:
Она глупей намного Вас.
Она – кокетлива, верглява,
Капризна, суетна, пуста,
И возмутительно писклява,
И самоцельно нечиста.
Пусть не все у Вас сумелось,
Не все до сути понялось,
Зато отныне с Вами зрелость
И все, что раньше нажилось!

СОСЕДИ

– Мы с Вами видимся так редко
В сей суете земных сует,
Как будто Вы мне не соседка,
Как будто я Вам не сосед.
Хочу я видеть Вас почаще,
Желательно, наедине,
Чтоб слышать голос Ваш журчащий
И забывать о седине.

– Уж не влюбились ли в меня Вы?
Вот, право, было бы смешно!
Иль Вы таите план лукавый?!
Но в Ваши годы-то – грешно!

– О, что Вы, что Вы, ангел чистый! —
Мой звездный час уже прошел.
И никакой не аферист я:
Мне с Вами просто хорошо!

БРИЧМУЛЛЯНКЕ

Хоть иногда под небом Бричмуллы,
Где жизнь полна веселья и огня,
Уйдя под сень какой-нибудь скалы,
На миг короткий вспомни про меня.

Хоть иногда, от отдыха устав,
Когда спадет курортный легкий зной,
Не пропуская звуков сквозь уста,
Ты мысленно поговори со мной.

Хоть иногда, когда пансионат
Свой праздный шум подарит тишине,
И в чистом небе звезды заблестят,
Ты пожелай спокойной ночи мне.

А здесь, в аду ташкентской суеты,
Все это время, мучимый тоской,
Я буду помнить все твои черты
И говорить без умолку с тобой.

КУДА?

«О царственный Нигер...»

Н. Гумилев

«Куда ж нам плыть?...»

А.С.Пушкин

Что делать мне в Африке знойной, мой друг,
Если там нет твоих глаз, твоих рук,
Если в сахарских песках ни одной
Нет и песчинки, что зналась с тобой?
Нет и в Америке места такого,
Где б цвела тень силуэта родного,
Где б хоть один небоскреб безупречный
Мне бы напомнил любимые плечи.
Да и в Европе унынье царит:
Лондон, Париж, Люксембург и Мадрид
Лишь в ожиданье твоей красоты —
Их не почтила присутствием ты.
И Австралийский мне остров не нужен,
Он без тебя сиротлив и недужен:
Ни кенгуру там тебя не встречала,
Не удивлялся тебе и коала.
А Антарктиду я вовсе забыл:
Льдам недоступен твой яростный пыл;
Если б хоть раз ты ступила туда,
Сколько бы айсбергов было тогда!
Я ни одной не поддамся интриге
И ни одну не приму я хвалу:
Если и ехать куда, о мой Нигер,
Так только в святую навек Бричмуллу!

«Я живу не в Париже...»

Я живу не в Париже,
Не у вечных полей,
А значительно ближе
К золотой Бричмулле.
Я живу и не знаю,
Что есть город Милан,
Потому что и раем
Служит мне Бричмулла.
Я не пел итальянкам
Серенады с гондол,
Но я брел к бричмулляторке
Сквозь Чарвакский котел.
Не хочу я в Сорренто
В романтической мгле,
Ибо умер в Ташкенте,
Но воскрес в Бричмулле!
И пускай на планете
Много красочных мест,
Но Чимганское лето —
Это мой Эверест!

«Был я молод, были силы...»

«Что пройдет, то будет мило».

А.С.Пушкин

Был я молод, были силы,
Были звезды, сны, веселье,
Были друзья, песни были,
Были дни как ожерелье,
Были сочные подружки,
Были чувства, счастье было...
Но под гимн слепой кукушки
Все прошло; что было – сплыло...
Неужели это мило?!

«Если друг тебя обманет...»

Если друг тебя обманет,
Если друг тебе солжет,
Говори: он перестанет,
Говори: он все поймет.
Но когда в житейской буре,
Струсив, друг тебя предаст,
Промолчи, главу понутив:
Ничего твой крик не даст.
В то же самое мгновенье
Выбрось труса из души
И о дружбе сожаленье
В сердце верном заглуши.
Но всегда храни надежду,
Что во время грозных выюг
Вдруг появится сердешный,
Настоящий, сильный друг.

«Я иду к тебе по зову сердца...»

*«Путник, в лазурь уходящий,
Ты не дойдешь до пустыни...».*

С. А. Есенин

Я иду к тебе по зову сердца:
Ты одна осталась на Земле,
Для кого я вспоминаю детство,
Где я плыл на белом корабле.
Ты одна из множества живущих,
Кто со мной поплыл на корабле
В светлые просторы дней минувших,
В дали, неподвластные хуле.
Ты одна, кто, позабыв обиды
И увидев светлое во мне,
Воплотила миф кариатиды
В жизнь мою, тонувшую в вине.
Ты одна – кого я так измучил, —
В чьих глазах я лучше, чем я есть,
И кому я никогда не скучен
Ни в былом, ни в настоящем, здесь.
И когда я вспоминаю детство,
Жизнь свою и все вокруг кляня,
Я иду к тебе по зову сердца:
Ты одна осталась у меня.

БЕЛЫЕ СТИХИ

– Тук, тук, тук!

– Войдите.

Если мне позволит Небо
И Земля не будет против,
Я войду в глаза Нигоры
И останусь в них надолго,
До последнего дыханья.
Я войду в глаза Нигоры
Не дрожащим отраженьем,
А войду эфирным духом.
Я войду в глаза Нигоры,
Как ветра в долины входят —
Всеобъемлюще и нежно.
И когда в глазах Нигоры
Отыщу приют желанный,
Отрекись я от Вселенной,
Ибо я в глазах бездонных
Обрету ее другую.
В той Вселенной все – как в сказке:
Каждый миг – явленье чуда;
Но из всех чудес несметных
Чудо чудное – Любовь!

БЕГ ПО ИНЕРЦИИ

Бегу от одиночества,
От самого себя
В пустыню стихотворчества,
В безлюдность бытия.
Бегу в безмолвья дальние
От прежних сумасбродств,
Спасая сны астральные
От явственных уродств.
Бегу от боли тягостной,
Навязчивой, как тень,
Что я не встречу с радостью
И в мой последний день.
Бегу, бегу как версия
Того, чем дышит век,
И знаю, что инерция —
Мой полумертвый бег.

«Какой я есть – такого принимай...»

Какой я есть – такого принимай
Или отвергни. Только не страдай!
Влюбленные из века в век всё те же:
Вначале каждый день свиданье – рай,
А после рай – свидания пореже.
Ты это помни и не причитай:
О счастье жизни, где же ты, о, где же?!

«Я не бури боюсь, я не мрака боюсь...»

Я не бури боюсь, я не мрака боюсь,
И не страшен мне подлый убийца —
Погрузиться боюсь в беспросветную грусть:
Я боюсь безответно влюбиться.

ДИАЛОГ

- Ты завтра придешь?
- Приду.
- А послезавтра?
- И послезавтра.
- А через месяц?
- И через месяц.
- А восьмого марта?
- И восьмого марта.
- А в мой день рожденья?
- Без сомненья!
- А через год?
- Приду и через год.
- А через сто лет?
- Наверно... нет...
- П-о-ч-е-м-у?!
- Боюсь, умру...

«Пора и мне, мой друг...»

«Пора, мой друг, пора...».

А.С.Пушкин

Пора и мне, мой друг,
 туда, где нет соблазнов,
Туда, где нет любви,
 страстей, где нет измен:
Я отгулял свое
 торжественно и праздно,
При жизни превратив
 свою судьбину в тлен.
Там тихо и темно.
 Ничто не потревожит
Ни трапезы червей,
 ни спящих без конца,
Ни боль твою, ни мысль,
 которая так гложет,
Когда не видишь час
 любимого лица.
Пора, мой друг, пора!
 И чем скорей, тем лучше:
Пресытившись людьми,
 пресытил их и я.
Как пагубность плевка
 не ведает плюющий,
Так не поймет вовек
 меня любовь моя...

«Вьюга, провой мне холод...»

Вьюга, провой мне холод,
Сердце прожги мне снегом.
Был я когда-то молод
Под лучезарным небом.
Ныне не так, как прежде:
Небо – черней болота;
Места в нем нет надежде:
Я потерял кого-то.
Но вот кого – не помню:
В памяти только дыры.
Я уже свыкся с болью,
Как и со смертью лиры.
Больше не слышу песен,
Больше не вижу солнца,
Больше не интересен
Шар, что людьми несется.
Но не имею злобы
К жизни, к ее изменам,
Хоть и растут сугробы,
Бывшие прежде сеном.
Вьюга, провив мне холод,
Не отмечай курсивом,
Что я когда-то молод
Был на пиру красивом...

«Гром гремит, гроза грохочет ...»

Гром гремит, гроза грохочет —
Небо выплакаться хочет:
Небу тоже нелегко,
Хоть оно и высоко.

«Время несется вскачь...»

Время несется вскачь
Лошадью загнанной, в мыле.
Прошлое так уныло,
Как поминальный плач.
Время несется вскачь.
Жизнь пролетает мимо.
Радость неудержима,
Бодро крича: «Не плачь!».
Время несется вскачь,
Меры пространства руша,
Но вожделяют души
Судеб без неудач.
Время несется вскачь.
Будущее – туманно.
И под небесной манной
Неумолим палач.
Время несется вскачь
Лошадью загнанной, в мыле,
Но не иссякли силы
У золотых удач.

АБСТРАКЦИЯ

Тихие песни влюбленной гитары
Льются в Венецию, словно в судьбу.
Настежь распахнутых окон радары
Ловят мелодий бессонных мольбу.
Там, в полумраке извечных волнений,
Радость и робость сплетают венки...
Вдруг на гондолу ночных вдохновений
Томно слетает пурпурный цветок...

«Успокоились ветра...»

Успокоились ветра,
И леса притихли...
О безмолвная пора,
Лень ты, сон ли, стих ли?
Что ты мне сегодня дашь?...

«Трудно представить мне...»

Трудно представить мне
Реку без берегов,
Хоть у меня в стране
Нет ни друзей, ни врагов.
Рифмы диктуют стих,
Как кирпичи – дом.
Только что проку в них,
Если тоска кругом.
Хилый скелетный сад
Встал за моим окном;
Корни в снегу скрипят —
Движут деревья в дом.
Я бы впустить их рад —
Это не бог весть труд,
Только мне жаль ребят —
В доме они умрут.
Однообразный снег
Сеется в сито дня.
То, что забавит всех,
Не веселит меня.
Там – живут смеясь.
Здесь – живут свежо.
Откуда же ты взялась,
Грусть, что впилась ножом?

«Просыпаюсь ночью, слышу вдруг, как липы...»

Просыпаюсь ночью, слышу вдруг, как липы
Издают негромко жалостные всхлипы;
Выхожу из дома, направляюсь к лесу,
Где в ночную темень жутко даже бесу;
Подхожу к древесной непроглядной чаше,
А в груди-то сердце стало биться чаще,
Но, осилив страха ледяную стужу,
Я иду на всхлипы, режущие душу;
Нахожу красавиц – лип стройновысоких
Меж деревьев молчащих, низких и широких;
Спрашиваю: «Липы, что случилось с вами?»,
А они в ответ мне: «Злобными ветрами
Клен погублен милый, клен прекраснолистный...
О, жестокий жребий! жребий ненавистный!».
Приглядевшись, вижу, вдоль тропинки торной
Клен лежит, высоко запрокинув корни...

«Я тебя не любил ни в апреле, ни в мае, ни после...»

Я тебя не любил ни в апреле, ни в мае, ни после;
Я тебе не писал никогда зарифмованных строк.
Я пытался попасть из заснеженной памяти в осень
И наткнулся на твой столь приветливый тихий порог.
В ту весну я остался один по неведомой тайной причине,
Бесприютным бродил по бульварам ташкентской степи,
Предаваясь своей беспросветно напрасной кручине,
И набрел на порог твой – ты сказала мне: «Переступи!».
И вошел я к тебе, и мы долго любви предавались;
Никогда я такой, озверелою, страстью не жил;
И мы дико, почти сумасшедше в постели смеялись,
А на улице где-то пес бездомный от голода выл.
И до самой зимы я твое одиночество нянчил,
Ты ж держала меня, не давая сорваться в обрыв,
И казалось мне, у судьбы подаянье я клянчил...
А вокруг все горели, горели костры и костры.
И проснувшись однажды в январскую снежную заметь,
И тебя проводив неизвестно куда до ворот,
Я к столу пригласил мою бедную добрую память,
Чтобы вновь испытать тот весенний переворот.
И как будто во смерть пронеслись моей жизни мгновенья,
И увидел я все, отчего онемел мой язык!
Если сможешь, забудь... Но отныне свои вдохновенья
Я в единый солью, всепрощения страждущий, крик.
И пускай каждый день будет кислым, иль горьким, иль постным,
И пускай мне прощенья не будет, но не ставь мне в вину и упрек,
Что тебя не любил ни в апреле, ни в мае, ни после,
Что тебе не писал никогда я рифмованных строк...

«Я беден, как дервиш...»

Я беден, как дервиш,
Как вакуум, пуст:
Зачем меня держишь
Улыбкою уст?
Неужто я нравлюсь
Вот этим глазам?
Ведь я не прославлюсь,
Как тайный Сезам.
Лишь рифмы да небо
В казне у меня,
Да ломтиком хлеба
Довольствуюсь я.
В народе блаженным
Я прозван давно.
Равно униженью
Знакомство со мной.
Что движет тобою —
Каприз или страсть,
Игра ли судьбою,
Иль злая напасть?
Навряд ли серьезно
Влечение ко мне...
Верни меня розам,
Моей тишине!
Пусть кто-то достойный
Войдет в твою грудь,
Меня же не стоит
Пытаться согнуть.

ПЕРЕСТРОЙКА

Перестройка, перестройка
Разбежались кто куда.
Удалая птица-тройка,
Это радость иль беда?
За вихрастыми речами,
За отмеченными лбами,
За дрожащими свечами
Появилось НИКОГДА.

Берег левый, берег правый,
Еще уйма берегов!
Эти правы, те не правы —
А на лбах следы рогов!
Над пространством этим вьюжно.
Что «друзьям» от ссоры нужно?
Только ружья, ружья, ружья
Выползают из снегов.

Кто-то «черный», кто-то «белый»,
Кто-то «красный» испокон.
Жизнь ли, власть ли не поделят,
Перепрыгнув рубикон?
И не помнят биографий
Ни своих, ни чуждых мафий,
Лишь смакуют тупо кайфы
От мечетей да икон.

Лабиринтами воронок
Да безумством грабежей
Люди каркают воронам
Блеф заморских ворожей.
Омут, бездна иль болото
Проглотило кашалота?
Но не сыщешь больше плота
Для усопших сторожей!

И Вселенная трясется
Новой поступью угрей.
Много солнц – исчезло Солнце
В бездне высохших морей.
Смрад и гам, и слизь, и вопли —
На планете не потоп ли
Оттого, что брызжут сопли
Из мозгов, как из ноздрей?

Перестройка, перестройка —
Запутались жизнь и смерть:
Крест ли это, или койка? —
Можно руки простереть.
Что там дальше? Кто там дальше?
Лишь бы не было, как раньше
И как ныне... Но без фальши
Кто посмеет не посметь?!

«Нанеси мое имя на клочок листопада...»

Нанеси мое имя на клочок листопада,
Закружи его вихрем уносящихся дней,
Или в дождь оберни, как мольбу – серенада,
И на прошлое наше серым ливнем пролей.
В этой жизни уже ничего мне не надо —
Ни любви, ни тоски, ни надежд, ни скорбей.
Ты лишь дай мне забыть цвет весеннего сада,
Где все дышит тобой, говорит о тебе.
Ни к чему мне теперь моих мыслей бравада:
Ей отныне не место в вольной песне твоей.
Помести мое имя в моногул водопада
И на тысячи брызг безымянных разбей!
На исходе агония желтого сада —
Осыпаться уж нечему с голых ветвей...
Нанеси на последний клочок листопада
Мое горькое имя и, как пепел, развей...

ОСЕННИЕ СУМЕРКИ

Ты – в распахнутом окне.
Месяц тонкий – в вышине,
И к нему со всех сторон
Стаи движутся ворон.
Ты и осени сезон
На закатный горизонт,
Где две звездочки горят,
Устремили грустный взгляд.
Ты вздыхаешь и молчишь
Так, как сумеречна тишь,
Так, как в сонмище ворон
Месяц в думы углублен.
Мнится, месяца душа
Плавно, робко, не спеша
Обволакивая даль,
Нежит там твою печаль.
А твоя душа в ответ
Месяца лелеет свет.
Нет пределов для весны:
Ты и месяц – влюблены!
Ты – в распахнутом окне.
Месяц тонкий – в вышине.
Воздух свеж... да больно мне:
Я один и в стороне.

«Я прижмусь к твоей груди...»

Я прижмусь к твоей груди,
Чтобы сердца песнь послушать;
Коль усну, ты не буди
Не любовника, не мужа:
Так у нас уж завелось —
Просто так живем мы вместе.
Сколько судеб гибнет врозь
От условностей «по чести»!

Я свободен, ты свободна,
И свобода нас роднит.
Клетка быта непригодна
Для амуров и харит.
Узы брака убивают
То, что в муках родилось.
Пусть нас люди осуждают:
Так у них уж повелось.

Глупо жить в угоду им,
Их раздорам и чиханьям...
Я окутаюсь твоим
Чуть взволнованным дыханьем,
Заверну тебя в себя —
Полусонный, молчаливый, —
Все, что есть в тебе, любя,
Погружусь в покой счастливый.

И, ступив в миры Морфея,
Я найду тебя в лесах,
Где твой сон лелеет Фея
С добрым отблеском в глазах.
И, глазам ее послушный,
Я прижмусь к твоей груди,
Чтобы сердца песнь послушать.
Коль усну, ты не буди.

СОНЕТ

Шаманит желтой грустью
Осенний листопад.
Хандра проникла в чувства
Играючи, как в сад.
Докучливо ленива
Агония весны;
Нирваны переливы
Едва-едва ясны.
Лелейна, будто с горя,
Гармония костров;
Идиллия изгоя —
Минория ветров...
Но ждет, но ждет кумира
Епархия факира!

«Я чувствую, как ты меня не ждешь...»

Я чувствую, как ты меня не ждешь.
Я чувствую, как ты меня не любишь.
Зачем же ты мне ежедневно лжешь
И наше прошлое сегодня губишь?
Да, поугасло солнечное в нас,
Да, мы не те, какими были в мае,
Но для чего так много лжи из глаз
Твоих исходит, я не понимаю.
Ужели то, что пело и цвело
В оживших душах после нашей встречи,
Мы друг для друга обратим во зло
Сквозь фальшь очей, обманчивые речи?
Я не хочу так жить и сознавать,
Что для меня ты – женщина чужая.
Но где же сил взять, чтоб с тобой порвать?
Где воли взять, чтоб жить, не унижаясь?
И пусть я чувствую под сердцем дрожь
И вижу, как ты прожитое губишь,
Но, милый друг, не панацея ложь
И в дни, когда не ждешь меня, не любишь.

ИНОПЛАНЕТЯНИНУ

Если б ты знал, из каких испражнений
Строится власть на планете Земля
И из каких мы живем убеждений,
Ты б скорректировал курс корабля.
Мне неизвестно, откуда ты прибыл,
Но знаю, что лучше планета твоя:
Стадом людей управляет здесь прибыль
Да вечная подлость как суть бытия.
Если б ты знал, как во имя карьеры
Люди здесь лижут друг другу зады
И отрекаются гнусно от веры,
Ты б не стремился так в наши ряды.
Ты облети все пространства эфира
И побывай за пределом его,
Но не отыщешь подобного мира,
Где не понятно Душе ничего.
Чтобы не множились вирусы эти,
Не предавали Вселенную мгле,
Нашу покинь поскорее планету
И позабудь навсегда о Земле.
И не жалея обитателей Геи:
Алчностью нашей низвергнут и Бог...
Скоро галактику, зло багровея,
Вспорет квазар под названием «Морг».

«Налей мне бренди-тини...»

Налей мне бренди-тини
Или мартини-драй,
Затем из Паганини
Мне что-нибудь сыграй.
А после выйдем в поле,
Подсядем к роднику,
На миг забудем боли,
Что были на веку.
Прильнем к воде хрустальной,
Как к ней прильнул овраг,
Чтобы еще астральной
Стал наш астральный брак.
Поднимем взоры в небо,
В лазурь и в благодать,
И долго будем немые,
И долго будем ждать,
Как чистым откровеньем
Покроют звезды высь,
И скажем мы: «Мгновенье,
Постой, остановись!
Дай нам вернуться снова
В тот незабвенный час,
Что без руки и слова
Влюбил друг в друга нас».
И вновь польют напевы
Сквозь память соловьи,
И озарит нас первый,
Тот первый миг любви.
Мечты неукротимы...
На скрипке доиграй,
Налив мне бренди-тини
Или мартини-драй.

«Оттого ль, что бессчетны потери...»

Оттого ль, что бессчетны потери,
Разлетелись куда-то мечты.
Я стою у распахнутой двери
И не жду, что появишься ты.
Далеко простирается поле —
Не увидишь предела его, —
Но, наверно, не дальше, чем боли
Бесконечного сна моего.
Этот сон, воплощенный тобою,
Всеобъятен, как воздух живой.
Я доволен, доволен судьбою,
Хоть теперь и поник головой.
Я сегодня не требую счастья,
Да и завтра не буду просить:
Разве будет петь солнце в ненастье,
А без солнца – земля колосить?
Мне отныне без чувств и безумий
У распахнутой двери стоять,
Быть невольником памяти мумий
И не ждать тебя больше, не ждать...

«Сегодня – день воспоминаний...»

Сегодня – день воспоминаний.
Давай погасим в доме свет,
Зажжем свечу и сном мечтаний
Вернемся вспять на много лет.
Ты помнишь лодку у причала
На самом лучшем из морей?
Как чайки радостно кричали,
Когда тебя встречали в ней!
Ты приходила на рассвете
И говорила мне: «Привет».
И целый мир в твоём привете
Мне намекал, что я – поэт.
И весла в крылья превращались,
И мы летели по волнам
И только взглядами общались:
Слова мешали в этом нам.
И в осязаемом отдаленье
От многоглазых берегов
Я припадал к твоим коленям,
Как к воплощению богов.
Твои ладони робко, нежно
Касались плеч моих и рук...
А море было так безбрежно —
Лишь горизонты все вокруг!
Но незаметно наше лето
Переместилось к сентябрю,
И ты покинула поэта,
Его рассветную зарю.
С тех пор прошло немало лет.
Но каждый день я на рассвете
Вдруг слышу тихое «привет»
И вижу призрак твой в «привете».
И каждый раз я, как маньяк
В плену неведомых мечтаний,
Произношу в гнетущий мрак:
Сегодня – день воспоминаний...

ИГРА

Поиграй со мной в любовь,
Поиграй:
Да вольются в плоть и кровь
Ад и рай!
Все равно нам не дано,
Как ни лги,
Выпить брачное вино
Из пурги.
Раз уж все живут вот так,
Изловчась,
Наш с тобой продлится брак
Только час.
Кто-то терпит, кто-то лжет,
Мстя за ложь;
Кто-то ближнего сожжет
Ни за грош.
Я ж не волен, как вокруг,
Падать в грязь:
Просто так не сходит с рук
Псевдосвязь.
А на большее пока
Нет надежд.
Что с того, коль ты близка
Без одежд?
Пустоту не перельешь
Через край:
Поиграй со мною в ложь,
Поиграй.

ВАМ

Вам не дано сейчас понять,
Как Вас любил поэт,
Чем воспевал он Вашу статью,
Во что ценил Ваш бред,
Откуда рифмы извлекал,
Какие множил сны,
Во имя Вас как низко пал
В глазах былой Весны:
Для Вас любовь – одна лишь блажь,
А для поэта – жизнь.
И вот рассеялся мираж —
Остались куражи.
Но сожаление и боль
Не отпускают в слепь.
Бездарно сыгранная роль —
Хоть вой, садясь на цепь.
И снова пусто на душе,
Безжизненно перо...
О, смейся, смейся, Бомарше,
«Женитьбой Фигаро»!
Увы! Все то, во имя Вас
Что облеклось в фантом,
Вам не дано понять сейчас,
Как не дано потом.

Я ВЕРНУЛСЯ

*Посвящается
светлой памяти погибших
и выжившим в Афганской войне*

Не бойся, мама, это я:
Твой сын вернулся из Афгана,
Где среди воронок Кандагара
Гниет в земле нога моя.
Не бойся, мама, я живой
И не сгорел в огне душманов;
Вернулся я сквозь шквал обмана,
Хоть и с пробитой головой.
Пускай увяла и рука,
Пускай душа моя в надломе —
Я нахожусь сегодня дома,
И за холмом течет река.
Не бойся, мама, я смогу
Забыть и суженой измену:
Вскрывать себе не стану вены
И не пушусь в хмельной загул.
Не бойся, мама, но прости,
Что я по дому – так уж вышло —
Теперь работник никудышный:
Мне сил былых не обрести...
Пускай в агонии ночей
Меня грызет Афгана бойня,
Но несравнимы с этой болью
Грехи жестоких палачей:
Забрав сынов у матерей,
Гробы из цинка им вернули.
Ах, если б разобрались пули,
В кого лететь в том декабре...
Не бойся, мама... в тишине
Нарежь куски ржаного хлеба,
Согрей наш чайник, но не требуй
Рассказов длинных о войне...
Не бойся, мама, это – я.

ПАРК

Вечерний парк безлюден и угрюм.
В его тиши брожу я, как маньяк,
Окутан дымом невеселых дум
О том, что жизнь не сложится никак.
Я был влюблен и был любим не раз,
Я достигал чиновничьих высот,
Я видел море, слушал гор рассказ,
Был во хмелю березовых красот;
Я испытал достаточно тревог
И радости достаточно вкусил,
И даже счастье отыскать я смог...
Но что-то все же в жизни упустил.
В груди свербит о чем-то пустота,
Неведомо куда душа зовет;
И ты, мой друг, не прежняя, не та,
С которой я познал свой первый взлет.
Подобно парку, сумрачен мой ум...
Не оттого ль брожу я, как маньяк,
Что этот парк безлюден и угрюм,
И в нем себя я не найду никак?

Я – ТВОЙ

Ты пришла ко мне из песни,
Из мелодии небесной
Вся в прозрачном одеянье
И с улыбкой на устах.
Ты сказала: «Мальчик милый,
Отчего глядишь уныло?
Позабудь свои страдания,
Побори ненужный страх.
И печалиться не стоит:
Каждый сам веселье строит.
Подойди ко мне поближе,
Дай мне руку, улыбнись!
Жизнь нас радует не часто;
Обрети со мною счастье.
В том, что горе нас услышит,
Пред судьбою не винись!»
И, словам любви покорный,
Я вошел в твой мир просторный,
Где покой душевный правит
Вместе с музыкой небес.
И теперь мне нет возврата
В мир безумий и разврата,
В мир без чести и без правил —
Твой отныне весь я, весь!

«Твои глаза с оттенком в осень...»

Твои глаза с оттенком в осень
Я повстречал на склоне лет.
А ты жила все время возле
Моих падений и побед.
Теперь мне поздно быть Ромео,
И донжуанить – стиль не мой,
Но, как мальчишка, я робею,
Когда мы видимся с тобой.
Я прожил жизнь – как будто не жил:
Впустую, буднично, темно...
Но что-то в сердце все же нежил,
Во что-то верил все равно.
И вот когда сомнений осыпь
Так мало света прочит мне,
В твои глаза с оттенком в осень
Гляжу в вечерней тишине.
И все, что пройдено уныло,
Что, не коснувшись, пронеслось,
В глазах твоих печально-милых
Я вижу сквозь сверканье слез.
Но у судьбы мы не попросим
Просимых вечно благ и льгот:
Мы углубимся в нашу осень,
Насколько нам позволит год!

ЧУЖОЕ

Закатит солнце в сон лучи,
И станет сумрачно и скучно.
И нет спасения в ночи
От роли черной и докучной:
Чужая женщина придет,
Чужие ласки мне подарит,
За ночь одну на целый год
Меня безжалостно состарит;
Расскажет мне, как глуп супруг,
Как некомфортно в клетке быта,
Как самой близкой из подруг
Она предательски забыта;
Я буду слушать и жалеть,
И утешать ее лениво,
Наперекор себе хотеть
Любви ее нетерпеливой,
И буду думать: что за рок
Ведет меня так неумело? —
Все начиналось как восторг,
А что в итоге? Только тело...
Но разорвать чужую страсть
Я не решаюсь в черной роли:
Ведь кто-то должен в сердце класть
Поверх своих чужие боли...

ШИПЫ В САДУ

Усеян сад шипами горя,
Питает их твоя слеза;
Не дышат розы у забора,
И кем-то сломлена лоза.
Из уст твоих скользят невнятно
И непрерывно звуки слов.
Значенье их мне не понятно,
Но слышен в них трагедий зов.
Ты вся – как после урагана —
Истрепана, бледна, седа;
Шипы не чуя под ногами,
Бредешь по саду... Но куда?
Нигде уже не сыщешь следа
Того, кого не принял сад,
Кто воплощал весну и лето,
И листопад, и снегопад.
Но ты бредешь, бредешь по саду,
Бредешь, не ведая тропы,
По листопаду, по снегопаду,
Впиваясь пятками в шипы.
И память падает в объятья
Видений смутных вновь и вновь;
И не кончаются проклятья,
Как не кончается любовь...

«Когда идешь сквозь ночь к стихам...»

Когда идешь сквозь ночь к стихам
И не встречаешь нужной рифмы,
Ты вспомни предков наших мифы
Иль обратись к своим грехам.
Проделай это и поймешь,
В чем сила пращуров далеких,
И как грехи диктуют строки,
Мечтой исполненные сплошь.
Все остальное – жалкий труд,
Не раз повторенные муки:
Хоть и легки чужие звуки,
Но разгуляться не дадут!

К МУЗЕ

Прошла перестройка под визг бюрократов,
Остались у власти неведомо кто:
Не то коммунисты, не то демократы,
Но жизнь человека, как прежде, ничто.
Раздроблены судьбы, как тело Союза —
И бойни, и войны на каждом шагу.
Смотри же, смотри, о несчастная Муза,
На то, что принять никогда не смогу!
Смотри, как народом лжецы и подонки
Играют во имя своих животов,
Как зло попирается память потомков,
Как плюнуть в родителей каждый готов;
Смотри, как бесчинствуют власть предержавшие;
Увидь и запомни царей и царьков —
Глаза воровские и руки дрожащие, —
И их прокляни ты на веки веков!
И суд учини беспощадный, но правый
Над тем, кто хотел, но не смог обновить
«Империю зла», и кто «левых» и правых»
Напрасно пытался в себе воплотить.
Людей охватила великая порча —
Беспомощен пряник без мощи кнута.
Ты что это, Муза, гримасу мне корчишь?
Я против насилья, но жизнь-то не та...

«А жизнь проходит, жизнь проходит...»

А жизнь проходит, жизнь проходит,
И каждый год нас вглубь уводит
Природы строгой каземата,
Откуда нет уже возврата.
А мы с тобой так и не вняли
Тому, как пишутся скрижали
Времен и судеб скоротечных,
Всегда живых для истин вечных.
Осталось нам совсем немного.
И, стоя грустно у порога,
Сумеем ли в границах круга
Мы наконец понять друг друга?
Я не хочу покинуть землю,
Пока тебе, влюбленный, внемлю,
Пока в твоих глазах, как осень,
Я все еще терпим и сносен.
Но жизнь проходит, жизнь проходит...
И лишь надежды хороводят
Вокруг одной мечты чудесной,
Что счастье есть в стране небесной!

«Поизносились наши годы...»

Поизносились наши годы,
А вместе с ними наши сны;
И мы с тобой уже не в моде,
Как желтый лист среди весны.
Не возбраняется, конечно,
Потрепанное залатать
И в каждый день входить беспечно,
И видеть в этом благодать.
Но мы прошли пути-дороги,
По ним теперь ходить другим,
А нам, обнявшись у порога,
Лишь помнить прежние круги.

«Если я не вернусь из далекой тайги...»

Если я не вернусь из далекой тайги,
Если я не пришлю о себе ни строки,
Ты в помин обо мне в церкви свечи зажги,
Чтоб горели они, как во тьме маяки.
Я на свет этих свеч из таежных глубин
Свою душу пошлю и остатки судьбы
В виде музыки слов и сережек рябин,
В виде самой заветной и светлой мольбы,
Чтоб не ведала ты, как из белого дня
Прорастает печаль, по-ночному черна,
Чтоб в терпении лет, что пройдут без меня,
Ты любовью была освящена.
Но когда из тайги от таинственных муз
Долетит до тебя, что я им не молюсь,
Ты отторгни меня, разорви наш союз,
Все бывшее забудь... если я не вернусь...

РЯДОМ

(написано от имени любимой)

Ты рядом был, а я тебя ждала,
Ждала всю жизнь, как ждут судьбы знаменья,
Как ночью – дня, как в стужу ждут тепла,
Как счастья ждут сквозь боль и исступленье.
Ты рядом был, а я не знала, с кем
Поговорить открыто, без утайки
О том, что душу предаёт тоске,
О том, о чём молчат при шторме чайки.
Ты рядом был, а я во все глаза
Искала друга, просто человека,
Способного сказать: «Прошла гроза,
Ее не будет до скончанья века».
Ты рядом был, а я во цвете лет
Уже не верила в свою удачу,
И мнилось мне из черствости примет,
В миру ином я одиноко плачу.
Ты рядом был, как в мыслях, как во сне,
Но – вопреки цыганскому гаданию —
Ничто никак не подсказало мне,
Что рядом – я, а ты – весь в ожидании.

«У меня украли песню...»

У меня украли песню,
У меня разбили лиру
И мою сожгли квартиру,
Где с тобой мы жили вместе.
Затуманили мне разум,
И с меня содрали кожу,
А лицо слепили в рожу,
Так что я заметен сразу.
Душу вынули из тела,
Сердце смяли, будто глину,
Руки скрючили за спину
Так, как ты тогда хотела.
Мне в тиски обули стопы,
А в глаза ввернули брови,
Но не чувствую я боли
Под влияньем изотопов:
Весь пронизан я лучами
Веры яркой в то, что, если
У меня украли песню,
Значит, в ней любовь звучала.

КОПАЯСЬ В АРХИВАХ

Я напишу тебе историю любви.
Она не будет длиною и скучной;
В ней будут главы про глаза твои
Да эпилог о боли неразлучной.
Я не любил бог знает сколько лет.
Я лишь страдал от пустоты духовной.
Мой внешний вид напоминал багет,
Что обрамляет вакуум греховный.
Я жил, как жил, как больше не хочу,
Как не могу – без цели, без тревоги, —
Лишь потому, что ты зажгла свечу
В моей ночи унылой и убогой.
И я прошу, надежду обретя,
Не обмани нам данного судьбою,
Не разрушай, играя и шутя,
Тот хрупкий дом, что строим мы с тобою.
Мне будет больно... и в последний раз...
Мне будет больно, как ни разу в прошлом.
Я жить хочу в архивах твоих глаз
Историком влюбленным и дотошным.
Не оттого ль, забросив все свои
Дела, заботы, будучи в опале,
Я погружен в историю любви,
Хотя и ведаю, конец печален?

ВЕСЕННЕЕ

По весенней тропке из студеной вьюги
Я спешу к улыбке солнечной подруги.
За спиной клубятся снеговые ночи,
Впереди сияют колдовские очи.
Мне тюльпан кивает, салютуют маки,
Ласточки порхают, не снимая фраков;
Нежные фиалки тянутся мне в руки:
Будет чем украсить волосы подруги!
Я прильну губами к родниковым струям,
Передам любимой звон их поцелуем.
И, в весне бурлящей обновив себя,
Пропою подруге: «Я люблю тебя!».

«Когда я умру неожиданно, вдруг...»

Когда я умру неожиданно, вдруг,
Никто не узнает мной прожитых мук,
Никто не увидит в глазах мертвеца
Предчувствия скорого самоконца.
Когда я умру, прогремит водопад
В отрогах Чимгана на месте преград
Тех самых, когда-то мне давших зарок,
Что их одолеет лишь мертвый пророк.
Когда я умру, будет месяц апрель,
А может, июль, но не тот, что теперь,
Взваливший на плечи хирманы снегов
И вечно скользящий под дробью шагов.
Когда я умру как один из людей,
Займу свое место в ночлежке теней,
Всё будет по-прежнему в недрах квартир,
И вновь по спирали продолжится мир.

ВОПРОС

Не все так просто,
Не все так сложно,
Но без вопросов
Нам невозможно.
Когда, к примеру,
Под вопли рока
Утратил веру
Я в путь пророка?
Или откуда
Взялась насмешка
В моих причудах
На самослежку?
А что таится
За бездной грусти —
Перо Жар-птицы
Иль злое «Пусто»?
Но в этой куче
Вопросов страшных
Есть самый жгучий,
Есть самый важный:
Людьми, судьбою
Весь уничтожен,
Зачем тобою
Я заморожен?
Ведь в мире сложном
Бывает просто:
Считают ложным
Исток вопроса!

«Мы шли с тобой рука в руке...»

Мы шли с тобой рука в руке,
Плечом к плечу, тоска к тоске,
Грехом к греху, слова к словам,
И ветер молча веял нам.
Мы час назад познали радость.
Но час прошел, как меда сладость,
И в нас печали вновь проникли,
И мы невольно оба сникли.
И вышли мы на холод в ночь,
Чтоб в ступе памяти толочь
Минувших весен сладкий дым:
Он нужен был нам молодым.
Ты говорила еле слышно
О ежевике чьей-то, вишне,
О звезд угасших аллилуйе,
О первом – чистом – поцелуе...
А ветер веял нам в сердца,
Он был предвестником конца
Всего, что мы в пустой мольбе
Просили быть судьба в судьбе.
И мы расстались на исходе,
И я смотрел, как ты уходишь,
Вся поглощаемая ночью,
И мне представилось воочью,
Как в эту слепь, как в эту темь
Я стал уже совсем не тем,
И понял я, что мы уже
Не будем жить душа в душе...

КРУГ

Когда ты лжешь, я понимаю,
Что нам пора простить друг другу
Порывы чувств в далеком мае
И охладившую нас вьюгу:
Не получилось, не сложилось,
Перевернулось, отказалось,
Отрифмовалось, завершилось...
А так все радужным казалось.
Живем как будто, но не смеем,
Как прежде, искренно смеяться,
И тотчас жалостно немеет,
Лишь стоит взглядом повстречаться.
Простор трехкомнатный зиндана
Нам позволяет разминуться,
Спасая в созданном тумане,
Чтоб не могли мы в май вернуться.
И во втором семейном круге,
В его классическом итоге
Придется нам прощать друг другу,
Что мы столкнулись на пороге...

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Ах, Пушкин, Пушкин, ты ль один
Довел меня до сумасбродства
Искать в рифмованном уродстве
Свободу вольных бригаantin?
Наверно, да. Но был Сергей,
Твой брат, блондинистый повеса,
А до него – ревнитель беса
И демонических страстей.
Певец вина да вы втроем
Меня заставили молиться
Парнаса ветреным девицам,
Балующим с моим конем.
Но тщетны страстные мольбы:
Никто моих не слышит песен,
Я никому не интересен,
Как безразличны мне столбы.
И, маясь в собственном плену,
Я в добровольной этой пытке
Уже не делаю попытки
Поймать летучую волну;
Я просто в скрежете пера
Воображаю треск рутинный
Моей сгоревшей бригаantины...
И так – до каждого утра.

ВЕНОК

Венок невянущий, цветы прощальные,
Уже не сбудутся сны обручальные;
Надежды канули, дом не построится,
Венок мой горестный, жизнь упокоится.
Лишь слово скорбное тобой промолвится
Во храме брошенном, где ветер молится
За душу грешника, раба грядущего,
Давно усопшего, но все поющего.
А боль растущая не перемелется,
И поминальная скорбь не изменится.
Угоден Господу мой жребий чувственный.
Цветы прощальные, венок искусственный...

УЧАСТЬ

Встань и беги до луга,
И не пытайся вернуться:
От своего испуга
Ты не успеешь проснуться.
Толпы в порыве хищном,
В религиозной облеве
Прут к твоему жилищу
С дикою жаждой расправы.
Разум – в дыму гашиша,
Сердце – в дурманном гневe...
Толпы бушуют, слышишь? —
Встань и беги до неба.
Мчатся не люди – толпы.
Тщетно искать управы:
Их остановит только
Кровь совершенной расправы.
Свята для них вендетта.
В мстительной судьбоверти
Издревле участь поэта —
Встать и бежать до смерти.

К Ш...

Между нами годы, прожитые врозь,
Между нами пропасть радостей и слез;
Между нами ночи да немые свечи,
И они остались после нашей встречи.
Пройден путь немалый, благодатный путь:
Мы с тобой не в силах все перечеркнуть.
Оттого и меркнет лунная дорога,
Что себе позволить можем мы не много:
Грустные улыбки да слиянье глаз —
Вот, что нам осталось, утешая нас.
Все, что мы хотели, все, о чем мечтали,
Вряд ли сохранили облачные дали.
Но на фоне прежних – выгоревших – свеч
Удалось нам все же тайное сберечь!
В чем-то есть избыток, в чем-то недостача...
Проживем остаток и смеясь, и плача...

ФАТА-МОРГАНА

Фата-морганa, фата-морганa —
Тайная страсть звуководов органа,
Яркие отблески звездных фонтанов,
Царство небесное, кущи туманов.
Фата-морганы, фата-морганы
Быстрый полет мои сны проморгали.
Если виденья судьбе помогали,
Кто отречется от фата-морганы?!
Фата-морганa, фата-морганa —
Хаос волшебный вселенского гама,
Вакуум розовый самообмана,
Дым, охраняющий ложь талисмана.
Фата-морганa, ах, фата-морганa,
Жизнь пронеслась под «Ату!» урагана
Черной печатью отмеченных лбов...
Фата-морганa – наша любовь.

ПРИЖИЗНЕННЫЙ РЕКВИЕМ

Как стыдно сознавать, что ты не тот,
Что дух не в силах сеять очищенье,
Что каждый миг ты превращаешь в год,
В столетие самопорабощенья.
Как стыдно быть не стоящим любви.
Да что любви – обычного участия,
И знать одно, что, сколько ни живи,
Ты не коснешься помыслами счастья.
Как стыдно жить и не иметь себя,
Не празднуя, не предаваясь горю,
И даже с эхом собственного «я»
В опустошающем тонуть раздоре.
Как стыдно мир покинуть без следа,
Без памяти, наследия потомкам...
Как стыдно сгинуть, не познав стыда
За свой удел бесплодный и негромкий.

«А в дверь стучали, зная, что...»

Ш.

А в дверь стучали, зная, что
Нельзя стучаться...
Скользило с плеч к ногам пальто,
Чтоб в них метаться;
Трезвонил подлю телефон
В бессильной злобе...
Но пройден первый рубикон
Высокой пробы!
Качались звезды в лепестках
Хмельных акаций:
То блажь была сквозь стыд и страх
Божеств и граций.
И нет уже былых границ,
Как нет печали.
Свет исходил с усталых лиц...
А в дверь стучали...
И все, что снова предстоит —
В том нет сомненья —
Лишь укрепит и освятит
Соединенье!
И пронесется много вех
Вослед началу.
И Бог сочтет за тяжкий грех,
Что в дверь стучали.

ПРЕДНОВОГОДНИЕ СТАНСЫ

Кто-то свет зажег уже
На небесном этаже;
Силуэт луны бледнеет,
Растворяясь в неглиже.
Ветер, вечный виртуоз,
Плавным танцем зимних роз
Закружил трамвая первый
Полусонный стук колес.
В мерно ткущийся пейзаж
Вдруг врывается мираж —
Огнегривый конь крылатый,
Совершающий пассаж.
Свита из воздушных нимф
С песней следует за ним,
Поднимаясь по снежинкам
К этажу минувших зим.
Память, грезы, неба свод
Водят чудный хоровод,
Утверждающий, что скоро
Наступает Новый год.
Светом розовым горя,
В небе полнится заря.
Много дивного готовит
День последний декабря.

«Ты родилась довольно поздно...»

Нигоре

Ты родилась довольно поздно:
Тебе б на княжеских балах
Блестать осанкой грациозной
И тайной светлюю в очах.
Тебе б величественно, строго,
В цветенье нежных юных лет
Изящной прелестью от Бога
Свести с ума весь высший свет,
И в окруженье кавалеров,
Под градом их влюбленных глаз
Ты б ежедневную премьерой
Являлась им, как мне сейчас.
Увы! в наш век эмансипаций,
Когда исчезли трепет, вкус,
Не часто встретишь чистых граций,
Достойных поклоненья муз.
И в обителище убогом
Под грохот бытовых проблем
Ты угасаешь понемногу,
А я беспомощен и нем...

Н.В.

Не стоит нам отягощать умом
То, что из сердца чувственного льется:
Цепь логики, как нитка, разорвется,
Когда душа истомлена огнем.
Не стоит также в дебрях Зодиака,
В иллюзиях туманных Андромед
Искать осмысленности яркий след:
Свеча не озарит всю бездну мрака.
Не стоит мыслей мечущихся вязь
Вплетать в нестройность бурных вождлений
И втискивать вулканы вдохновений
Силком в причинно-следственную связь.
Но стоит знать, что в лабиринтах бреда,
В эксцентрике натравленных словес
Неотвратимое пророчит бес,
Что пораженьем явится победа.

ЗДЕСЬ

*«Сестры-суки и братья-кобели,
Я, как вы, у людей в загоне».*

С. Есенин

Здесь не встретишь правителя чести,
Не найдешь предводителя зорь,
А с рабами корысти и лести
Ты о совести лучше не спорь.
Здесь не станет ни другом, ни братом
Ни бедняк, ни – тем боле! – богач.
Окруженный хулой и развратом,
Ты невинной душою не плачь.
Здесь в безумии зависти алчной
Попирается воля небес:
Каждый продался подлости мрачной,
Как носитель коварного бес.
Здесь тебя не поймут, но заставят
Пить болотную гадость карьер,
И тебя же мерзавцем ославят
И повесят потомкам в пример.
Здесь свободе твоей не ужиться;
«За» и «против» обдумай и взвесь.
Будет солнечное дорожиться,
Если души очистятся здесь.

«Воздух промыт дождем...»

Воздух промыт дождем,
Свежесть и благодать.
Выйдем с тобой вдвоем
Радугой подышать.
Милая, улыбнись! —
Тучи ушли от нас.
Золотом льется высь
Вглубь осиянных глаз.
Мир обновленный – свят.
Примем же эту новь.
Если сердца стучат,
Значит, жива любовь.
Это, поверь, не сон.
Просто все то сбылось,
Что предсказал нам клен
Магией прежних грёз.
Нам хорошо вдвоем
В светлом просторе глаз.
Что же, вернемся в дом:
Тучи вдали от нас.

РОЗА

Я наблюдал цветенье розы
И жизнь, и смерть ее, и прах.
Ее оплакивали росы,
И угасал печальный птах.
Но лишь заря златые косы
Взметнула в новой синеве
Уж не скорбели больше росы,
И пел презвонко соловей.
И даже я, забыв про слезы,
Глядел вовсю, заморожен,
Как на кусте усопшей розы,
Родившись, наполнился бутон.
И будто не было вопроса:
Чего мы ради на земле?
В саду ж цвела другая роза
В любви, заботе и тепле.
И вновь в саду витают грезы,
И вновь лазурь без облаков...
Но не забыть мне первой розы,
Ее душистых лепестков.

ЭЛЕГИЯ

В полумраке молельни,
Отовсюду гоним,
Он стоит на коленях
Перед ликом Твоим.
Не проситель, не грешник,
Не предатель, не вор,
Он не жалкий приспешник
Тех, кто множит позор.
Не из праздного чувства
Пред Тобой пилигрим —
Хочет знать он изустно,
Что Ты сделаешь с ним.
Ты невидим веками,
Устрашающе нем,
Не потрогать руками,
Только лик на стене.
И хоть ведает странник,
Как Тебя ни проси,
Не откроются тайны,
Не сойдут с небеси,
Он стоит на коленях,
Но не шепчет мольбы
В полумраке молельни,
В полном мраке судьбы...

НАВАЖДЕНИЕ

*Светлой памяти
моего брата по духу
Сергея Есенина*

Этот ветер восточный,
Этот ветер хмельной
Разбудил меня ночью,
Будто знался со мной.
Я спросил его: «Ветер,
Что ты ищешь во мне?».
Ветер тихо ответил:
«Шаганэ, Шаганэ».
Я сказал ему: «В грустной
Русской вьюге-пурге
Про персидские чувства
Знал Есенин Сергей.
От земель Алазани,
Хорасанских огней
Долети до Рязани
И найдешь Шаганэ».
Ветер веял и слушал,
Но понять не хотел,
Что в пустынную душу
Он сейчас залетел.
И, наполнив собою
Все пустоты души,
Ветер странной мольбою
Растворился в тиши.
И я мучился ночью,
И не знал, что со мной...
Ах, ты, ветер восточный,
Ах, ты, ветер хмельной!

УТРО

Камилле

Утром проснешься рано,
Выйдешь в цветенье сада,
Воздух вдохнешь тюльпанный,
Воздух любви и лада.
Встретишься взглядом с полем,
Сердцем коснешься неба —
И все бывшие боли
Вмиг превратятся в небыль.
Нежным цветеньем сада,
Тонким узором света
В душу войдет услада
Новой весны пометой.
Радостной певчей птицей,
Веткой веселой вербы
Ты не сумеешь не впиться
Светлой надеждой в небо.
Яблоня белую пудру
Сеет в эфира недра
И сочетает мудро
С легким дыханьем ветра.
Краски рассвета сочны —
Синий, зеленый, красный.
Слейся с природой прочно:
Утро твое – прекрасно!

ИСХОД

Зачем ты вышла из меня?
Зачем ты вылеплена мною
Из ветра, моря, звезд, огня
И из тропического зноя?
Творенье страсти и мольбы!
Плод одиночества и плача!
Ты – жертва сломленной судьбы,
Которой выпала удача.
И лишь осталось жизнь вдохнуть
В мечтой рожденную фигуру...
Но... предстоящий грешен путь...
И я в слезах разбил скульптуру...

«Не сохранить души во злате...»

Не сохранить души во злате,
Не поумнеть в «шестой палате»,
И в спину нож войдет без боя,
Хоть на груди «Звезда Героя».
Не избежать судьбы упадка,
Когда в рассудок вьелась взятка.
И в норке мыши нет спасенья
Ни для какого поколенья.
И слабый дух не скроет важность.
И всеохватная продажность
Нам не заменит добродетель,
Как при вязаньи спица – петель.
Мы почему-то совесть чистим
От прописных моральных истин;
И почему-то год из года
Нас все же терпит мать-Природа.

ПОСЛАНИЕ ОТТУДА

После Афгана, где на плахе
Четвертовали душу мне,
Я был зарезан в Карабахе,
Потом расстрелян был в Чечне.
Бомбардировщики и танки,
И смерти сеятели «Град»
Мои тревожили останки
Посмертным гулом канонад.
Я собирал под лязг и грохот
То, что когда-то было мной.
А с неба падал бомбой Хохот
Над неразборчивой судьбой.
И в этом месиве из мяса,
Костей моих и не моих
Я не нашел иконостаса
Для тех, кто был еще в живых.
Как собирал я части тела,
Пусть не узнает мать про то,
Но знает пусть, что не за дело —
Убит я вовсе НИ ЗА ЧТО.

УИКЭНД

Из Библии мы знаем, что Господь
Шесть дней потратил на творенье мира:
Создал вначале небо из эфира,
А после землю и живую плоть;
Создал Он звезды, солнце и луну,
И в день шестой творенья – человека,
Чтоб был всему владыкой век от века;
А в день седьмой почил, уйдя ко сну.
Замыслил верно Бог, да не избег
Ошибки роковой в своем творенье:
Жаль, ослепило Бога озаренье —
И появился подлый человек.
Бог был один. Терзаем пустотой,
Спасть хотел Он от нее трудами
И... натворил!... Последствия пред нами...
Уж лучше б Он почил и в день шестой!

«Ты – женщина, с которой мне спокойно...»

Ты – женщина, с которой мне спокойно,
С которой я могу быть искренним во всем,
Которая покорно непокорна,
Как тихая вода пред ветром и огнем.
Ты – женщина, несущая свободу
Моей душе, мечтаньям и стихам.
Пусть я не нужен своему народу,
Но нужен я тебе: ты мой судья и храм!
Ты – женщина, последняя, наверно,
Из рода тех, кто сохранил в себе
Способность быть, как перед Богом, верной,
Всю посвятив себя любимого судьбе.
Ты – женщина, к которой через выюгу,
Через соблазны жизни и обман
Я продираюсь, чтоб послушать фугу
О том, что все ж рассеется туман.
Ты – женщина, умеющая мудро
Не обращать внимания на зло.
И каждый день я, просыпаясь утром,
Твержу себе: с тобой мне повезло!

«Есть люди...»

Есть люди,
 которым
 плевать в мою душу
 приятно.

Есть люди,
 которым
 плевки
 возвращаю
 обратно.

Есть люди,
 для коих
 мне жалко
 бывает
 плевка.

Есть люди,
 которых
 не примет
 в себя
 и строка.

Есть люди,
 подобные
 ветру
 порывами
 слов.

Есть люди,
 сравнение с которыми —
 скорбь для ослов.

Но есть и такие,
 которых
 осталось
 не много;

Для них
 не найти мне
 достойного слога;

Пойду и в разведку я с ними сквозь пламя огня!
Да вот лишь вопрос:
а возьмут ли
с собою
меня?

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

Ах, дайте мне уснуть —
Мне хочется забыться:
Моя пустует грудь,
В ней нечему томиться.
Позвольте не дышать
Иль дайте задохнуться:
В меня моя душа
Не думает вернуться.
Закрыв мои глаза,
Меня вмотайте в саван;
Мне нечего сказать:
Мой путь – увы! – бесславен.
На кладбище мой труп
Скорее отнесите
И с теми, с кем был скуп,
Вы рядом положите.
И, стоя на ветру,
В мое упокоенье
Прочтите вслух суру,
Как я себе – забвенью.

«Я жалею, что мне довелось...»

Я жалею, что мне довелось
Жить в эпоху сплошного упадка,
Когда все на Земле продалось
С потрохами и без остатка.
Как случилось, что шорох купюр
Заглушил соловьиные трели,
На рассвете кудахтанье кур
И симфонию звездной метели?
Что проникло в людские сердца?
Завороженность бедного Кая? —
Ведь в чаду «золотого тельца»
Дух любви, как изгой, неприкаян.
И трубач расстается с трубой
И уходит, удушьем завьюжен...
Если в мире в опале любовь,
Значит, мир этот вовсе не нужен.

О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ

Давай писать стихи
О прошлом и грядущем;
Давай о настоящем
Прискорбно помолчим.
В былом у нас – грехи;
А в будущем – не лучше.
Но все равно щадящим
Сей выглядит режим.
Давай-ка, вспомним дух
Геройских пятилеток
И планов богатырских,
И веры в «светлый путь»;
Как разлетелась в пух
И провалилась в Лету,
Разбилась, как бутылка,
Несделанного суть.
Закончить – не начать.
Начав же, не закончить.
Как пропита убого
Великая страна!
И нет причин кричать;
Язык всегда уклончив.
А закричишь, к порогу
Приблизится война.
Что было – то прошло;
И даже наша юность,
И даже наши грезы,
И даже наши сны.
Лишь памяти стекло
Дает увидеть лунность,
Струящиеся слезы
Раздробленной страны.
Ты помнишь шум берез,
Хребты и блеск Кавказа,
И пущи Беловежской
Похожесть на тайгу?
Но сквозь потоки слез
Ты не окинешь глазом
Проложенные межи
Через глухую згу.
Что было – то прошло.
Но хорошо – что было.
Ведь будет, что вспомнить,
Ругая и любя!
Не обратить во зло

Друг другу то, что «мило», —
Вот в чем грядущий подвиг:
Мы – все ж – одна судьба.
А будущее ждет.
И мы там побываем.
Пускай не все увидим,
Пускай не все пойдем.
Оно нас иль сожжет,
Иль обернется раем —
Но мы сейчас не выйдем
Из времени вдвоем!
Посмотрим, что же там;
Загадывать не будем:
Прогнозов экспонаты
Всегда полны трухи.
Пока ж сомнений хлам
Не выметут из буден,
Давай, мой конь крылатый,
Давай писать стихи.

АЗАРТНАЯ ИГРА

Эту жизнь я уже промотал,
В непонятные игры играя.
Ты простишь ли меня, дорогая? —
Но банкрот я, и кончился бал.
Я не шулер. Но хваток азарт!
И в игру я был втянут коварно;
И в раскладе убийственном карт
Я увидел – попытка бездарна.
Но азарт – как взбесившийся конь! —
И я новую делаю ставку:
Все, что было, поставил на кон;
Вновь расклад и... о, дайте удавку!
Но насмешливый гул казино,
Эти самодовольные туши,
Напоив меня терпким вином,
Предложили поставить мне душу.
О, пьянящий азарт! И на кон
Полетела душа без оглядки...
Эх, увы, не Есенин я: он
Лишь на женщин да зелье был падкий.
И ликующе-зло банкромет
Разметал роковую колоду...
Ну а после все просто: я – мот.
Даже сил нет повыть на погоду.
Дорогая, хоть слово скажи,
Не казни в эту пустошь и стужу:
Ведь тобою любимую душу
Промотал я, играючи в «жизнь».

ИЗДЕРЖКИ МОЛОДОСТИ

Мы начали разбег
Во дни, когда пустыня,
Захлебываясь зноем,
Простерлась до звезды.
Мы подгоняли век,
Боясь, что он застынет
Бесформенным изгоем
Без мысли и узды.
Мы торопились жить,
Наяривая души;
Мы порывались дерзко
Оставить в дураках
Размеренную жизнь,
И верили, что сдюжим.
Но торможенье – резко
В летящих поездах.
И открывает дверь
Нам проводник тщедушный —
И перед нами снова
Пустыня без конца.
Куда ж идти теперь,
Не знает даже Пушкин;
И не дано иного —
Как остудить сердца...

НЕПОДВЛАСТНОЕ ВРЕМЕНИ

На переломе
 времен и судеб
Никто не знает,
 что дальше будет:
Кого-то греет
 огонь надежды;
Кому-то лучше,
 как было прежде;
А кто-то в мутной
 воде реформы
Живет прекрасно,
 как змей проворный.
Но я – все тот же:
 все так же каюсь
В своем былом,
 не пресмыкаясь.

«К вам обращаюсь я, братья во Пушкине...»

К вам обращаюсь я, братья во Пушкине
И во Некрасове, и во Есенине,
Песни сложите, зовущие к лучшему,
Песни сложите тюльпанны-весенние.
Мне все равно, кто вам видится в Господе —
Будда, Аллах иль триада библейская, —
Лишь бы народы не ведали горести,
И не гноилась бы участь плебейская.
Лиры сомкните в едином звучании
С лирой Вийона и с лирою Байрона —
Ноты пусть льются мажорно-венчальные,
Но никогда, никогда погребальные.
В песнях живительных только спасение
Через любовь сквозь судьбу окаянную!
Братья во Пушкине и во Есенине,
Будьте чисты, совершив покаяние.

КОНЕЦ ВЕКА

Утерян смысл минувших дней,
Дней настоящих смысл не ясен.
«Телец золотой» в сердцах людей
Взлелеян, как младенец в яслях.
Вчерашний вор сегодня князь,
Партийный босс теперь фирмует;
Высокий дух затоптан в грязь;
Поэт угодливо рифмует.
Идем туда, где храма нет,
Где вместо храма – банк да биржа,
Где в правду метит пистолет,
А ложь – возвышенно-бесстыжа.
Теперь народу враг – народ,
Хотя вчера братались кучно;
Эстонец тем уж ныне горд,
Что он не русский иль не чукча.
Чего во имя разошлись? —
Во имя мании величья
Тех, кто случайно вознеслись
Из бессловесного безличья?
Им – наплевать на жизнь людей!
Как и на то, что в миг единый
Утерян смысл минувших дней
Сквозь дедов кровь, отцов седины...

«Мы стареем бесшумно и быстро...»

Мы стареем бесшумно и быстро
В многолюдном старенье Земли;
И судьба наша – эквилибристка —
Растворяется пылью в пыли.
Мы стареем (исход неизбежен)
Незаметно для мыслей своих.
Бег старенья безудержно-бешен,
Когда видим старенье других.
Мы стареем, но греем надежду,
Что не вся еще старость пришла.
По ночам не смыкаются вежды;
Лишь сомкнутся – и зорька возшла.
Мы стареем, но вряд ли согласны
С этой поступью строгой времен:
Как мечты наши были прекрасны!
Как звучал васильковый тот звон!
Мы стареем, и вот уже близок
Рубикон между светом и тьмой...
Шторм прошел... угасание бриза...
Вот и штиль... вот и полный покой...

МОНОЛОГ ПРОСТИТУТКИ

Нам всякий божий день
Дается хлеб насущный;
Кого благодарить,
Пусть каждый сам решит.
Нам райские сулят
За благодарность кущи,
И адских мук огонь —
Тому, кто согрешит.
А мне дается хлеб
Не добротой небесной,
Не добротой людей,
Не добротой моей —
Но мне дается хлеб
Моим грехом телесным,
Грехом моей души,
Грехом людских страстей.
И пусть гудит молва,
Что я грешна пред Богом,
Но кто, скажите мне,
Не грешен на Земле?!
Продажный этот мир
Мне видится убогим:
Ведь каждый норовит
Других предать хуле.
Кто может быть судьей?!
И кто имеет право
В сей лицемерный век
Решать, что делать мне?
Мне нужен хлеб мой днесь!
Что мне «дурная слава»!
Я продаюсь, как все! —
Нам всем гореть в огне!

«Раскрепощенная фривольна...»

Раскрепощенная фривольна
Небес раскидистая синь;
И мне уже совсем не больно —
Я новых набираюсь сил.
Невозвратно-непригодна
Куда-то сгинувшая горь.
Душа моя теперь свободна
Для зарождающихся зорь.
Благословенен и прекрасен
Грядущего священный лик.
И сам себе я не опасен,
Как океану – материк.

ГРУСТНЫЙ ОПЫТ ЖИЗНИ

На этом все! – ни слова о любви!
Пора утомониться, отдышаться;
Пускай других тревожат соловьи:
Зачем теперь покоя мне лишаться?
Любовь – прекрасна! Но в конце концов
Она куда-то тихо исчезает —
И ты – как прежде – не глядишь в лицо
Той, кто тебя – уже – не замечает.
О сумасбродство чудное страстей,
Какие сны ты навеваешь властно,
Какое ожидание вестей,
Какую блажь и необъятность счастья!
В такие дни приподнята душа,
И хочется молиться Гименею,
И раем мнится скудость шалаша,
Когда вдвоем ты с ненаглядной, с Нею!
Но срок всему есть! – и редуют сны,
И ты из сказки попадаешь в будни;
Уже не так дурманен хмель весны,
И в шалаше вдруг стало как-то нудно;
Разочарованно ты смотришь вдаль,
Душа пустеет, нет былых стремлений;
И что-то всюду видится печаль,
И ты стыдишься прежних вдохновений.
И чтобы как-то скуки избежать,
Ты новую любовь пускаешь в сердце...
Увы! недолго длится благодать:
Итог все тот же! никуда не деться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.